

2 Кацуба, Н. 21 революционный неологизм [Электронный ресурс] / Н. Кацуба // Lampa.today. – 2014. – URL: <http://lampa.today/politika/21-ukrainskij-revoljutsionnyj-neologizm/> - Дата доступа: 08.04.2015.

3 Жаботинская, С. А. Язык как оружие в войне мировоззрений [Электронный ресурс] / С. А. Жаботинская // UACLIP – 2014. – URL: <http://uaclip.at.ua/zhabotinskaja-jazyk-kak-oruzhie.pdf> – Дата доступа: 08.04.2015.

УДК 811.111'367'38'42

Е. В. Сидорова

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР КАК СРЕДСТВО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Данная статья посвящена рассмотрению одной из проблем стилистики – использование синтаксического повтора в художественном тексте. Были исследованы стилистические особенности данного стилистического приема. Изучена его роль в качестве средства выразительности и способа воздействия на читателя, а также способ предоставления информации. Была рассмотрена роль синтаксического стилистического повтора в семантической организации художественной прозы. Материалом исследования послужила повесть Эрнеста Хэмингуэя «Старик и море».

Художественный текст – это, как правило, продукт речевой деятельности, стилистическую окраску которому придает автор с целью воздействия на читателя не только в смысловом, но и в эмоциональном и эстетическом планах. В художественной литературе использование повторов обусловлено тем, что они привлекают внимание читателя к наиболее важным идеям в произведении. Повторы служат для наилучшего понимания заложенного в тексте глубокого смысла. Тексты художественного стиля не характеризуются краткостью изложения информации, и поэтому место для описаний, размышлений, отступлений практически не ограничено, что позволяет авторам использовать одинаковое синтаксическое строение предложений для создания наибольшего стилистического эффекта. Изучив мнения различных лингвистов, мы взяли за основу определение понятия повтора И.В. Арнольд как «фигуру речи, которая состоит в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда» [1, с. 182].

Э. Хэмингуэй известен своей способностью выражать самые тонкие состояния природы, героев, обстановки с помощью своеобразного построения фраз, используя повторы, что ведет читателя к непостижимым глубинам хемингуэевского «айсберга». Целью данной работы является исследование феномена синтаксической повторяемости на материале произведения «Старик и море». Можно отметить тот факт, что автор довольно активно применял разнообразные виды данного стилистического приема, возможно поэтому его стиль столь многогранен и своеобразен.

Полисиндетон является излюбленным видом синтаксического повтора, применяемого Хэмингуэем. Так, И.Н. Кручинина определяет многосоюзие как «принцип построения текста, при котором последующие повествовательные единицы (или их части) присоединяются к предыдущим одним и тем же союзом»; и в то же время как стилистический прием «в художественно организованном тексте» [2, с. 142]. Полисиндетическая связь создает эффект размеренности, уравновешенности, протяженности изложения [3, с. 308]. Сама по себе природа союзов характеризуется объединительной

функцией. В следующем примере полисиндетон способствует мелодичному звучанию предложения, раскрывает гармонию и эйфорию внутреннего состояния, в котором пребывает герой: «*He was asleep in short time and he dreamed of Africs when he was a boy and the long, golden beaches and the white beaches, so white they hurt your eyes, and the high capes, and the great brown mountains*» [5, с. 22].

Многократное употребление союза «and» показывает увлеченность персонажей разговором, который объединяет воедино всевозможные темы и показывает поочередность смены тем и их равноправие в беседе. Таким образом, может показаться, что персонажи не желают прекращать свой разговор, дабы не возвращаться в этот враждебный и жестокий мир и не думать о выматывающих их ежедневных проблемах: «*But they didn't show it and they spoke politely about the current and the depths that had drifted their lines at and the steady good weather and of what they had seen*» [5, с. 12].

В другом примере повторение этого же союза отражает одновременность смены настроений, выплеск эмоций, психическое состояние героя в определенный момент времени: «*But he was rough and harsh spoken and difficult when he was drinking*» [5, с. 20].

Замедляя речь паузами, полисиндетон в виде частицы «nor» подчеркивает идею о том, что у старого рыбака есть большой жизненный опыт и многое он уже пережил, много событий осталось за плечами, а теперь он уже абсолютно не интересуется простыми радостями жизни, которыми он жил в те далекие времена: «*He no longer dreamed of storms, nor of women, nor fights, nor contests of strength, nor of his wife*» [5, с. 22].

Довольно распространенным синтаксическим видом повтора в художественной литературе является анадиплозис или подхват. Известный лингвист М.П. Брандес характеризует анадиплозис как «повторение конечного элемента высказывания в начале следующего» [3, с. 309]. Подхват используется для того, чтобы продемонстрировать связь между двумя предложениями, увеличить экспрессивность высказывания и повысить ритмику текста. Также анадиплозис выделяет важнейшую часть высказывания, важную с точки зрения говорящего. В следующем примере с помощью анадиплозиса подчеркивается сосредоточенность старика на желании поймать свою большую рыбу с целью выживания: «*But perhaps I will pick up a stray and perhaps my big fish is around them. My big fish must be somewhere*» [1, с. 25].

В другом примере анадиплозис используется автором для передачи состояния смиренности, непрерывности, спокойствия: «*Up the road in his shack the old man was sleeping again. He was sleeping on his face and the boy was sitting by him, watching him*» [5, с. 42]. Здесь подхват демонстрирует нам покорность человека природной силе, которая неподвластна ему.

В художественной литературе анафора является довольно часто используемым стилистическим приемом. Анафора – это повтор одной и той же лексической единицы в начале ряда предложений или частей [4, с. 260]. Анафора выделяет тему, придавая тексту особенный ритм. В следующем примере анафора «I can remember» передает волнующие воспоминания старика о его поединке с рыбой: «*I can remember the tail slapping and banging. I can remember you throwing me into the bow*» [5, с. 13].

Применение анафоры «I'll bring» в следующем примере указывает на крайне эмоционально обеспокоенное и возбужденное состояние героя: «*I'll bring the food and the papers, the boy cried. Rest well, old man. I will bring stuff from the drug-store for your hands. I'll bring everything you wish, the boy said anxiously*» [5, с. 94].

Синтаксический параллелизм – это одинаковое построение некоторого количества предложений, члены предложения которых расположены в одинаковой последовательности. Благодаря использованию синтаксического параллелизма выявляется общность фраз, их созвучие, создается единая художественная обстановка или образ. В последнем упомянутом примере: «*I'll bring the food and the papers, the boy cried. Rest well, old man. I will bring stuff from the drug-store for your hands. I'll bring everything you wish,*

the boy said anxiously» [5, с. 94] эмоциональная экспрессивность предложений, а именно внутреннее состояние героя в конкретный момент его жизни передается, помимо анафоры, с помощью многократного повторения одной и той же синтаксической конструкции. Употребление этих однотипных конструкций заставляет читателя воспринимать происходящие события с определенным настроением.

Синтаксический параллелизм также используется для того, чтобы синтаксически оформить перечисление и сопоставление одного действия с другим: «*The old man nodded and the boy took his trousers from the chair. The old man went out door and the boy came after him*» [5, с. 23].

Как видно, очень часто можно наблюдать употребление синтаксического параллелизма вместе с анафорой: «*He rolled his trousers up to make a pillow, and put the newspaper inside them. He rolled himself in the blanket and slept on the other old newspapers*» [5, с. 22]. Таким образом, в данном примере можно отметить выделение повторяемого элемента для закрепления его в памяти читателя.

Сочетание анафоры и синтаксического параллелизма создает эффект предположительности в следующих предложениях: «*There are two more hours before the sun sets and maybe he will come up before that. If he doesn't maybe he will come up with the moon. If he does not do that maybe he will come up with the sunrise*» [5, с. 30]. Вымотанный старик живет одной единственной надеждой о том, что вот-вот он словит свою рыбу, его страдания закончатся и он благополучно вернется домой. Разговаривая с самим собой старый рыбак повторяет эти слова как мантру. Нужно отметить однотипное синтаксическое и лексическое строение предложений, которое указывает на то, что старик настроен решительно и еще долго не собирается сдаваться.

Эпифора – повтор конечного элемента в нескольких высказываниях [4, с. 206]. Хэмингуэй активно использует эпифору в произведении. Эпифора создает впечатление подведения итога предложению (строфе, абзацу), будто бы с каждым разом все сильнее подчеркивая его. Эпифора в данном примере применяется автором для изображения постепенного нарастания эмоций: «*I want to see him, and to touch and to feel him, – he thought. He is my fortune, he thought*» [5, с. 72].

В предложении «*Come on and eat. You can't fish and not eat*» [5, с. 9] мальчик напоминает и даже уговаривает старика поесть, настойчиво выделяя и повторяя в конце слово «eat».

На протяжении всего процесса рыбалки старик неустанно жалеет о том, что не позволил мальчику выйти в море с ним, эта мысль прослеживается и в строчках: «*They played like young cats in the dusk and he loved them as he loved the boy. He never dreamed about the boy*» [5, с. 14]. Данным примером эпифора подчеркивает то, как важен и дорог ему мальчик, и как бы он мог быть полезен в схватке с рыбой-меч.

Специфической, характерной для английской разговорной речи формой обрамления является рамочная конструкция (framing). Рамочная конструкция – это повтор, при котором элемент, стоящий в начале речевого отрезка, повторяется в его конце [3, с. 310]. В словах старика: «*Eat them, fish. Please, eat them*» [5, с. 25] слышится настойчивое, убеждающее, умоляющее предложение адресованное огромной рыбе.

Художественное предназначение стилистического синтаксического повтора крайне многогранно. Стилистический повтор используется авторами для раскрытия основной мысли произведения, для передачи его основного содержания, для передачи едва уловимых с первого взгляда идей и задумок автора, а также для создания колоритных сцен и образов в произведении. Как мы выяснили повторы создают разнообразные эффекты: длительности, монотонности, усиления эмоций, назревание кульминаций. Как можно было заметить Э. Хэмингуэй обращался к различным видам синтаксических повторов, что способствует повышенному смысловому и эмоциональному содержанию повествования.

Літэратура

- 1 Арнольд, И. В. Стилистика Современного английского языка / И. В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
- 2 Кручинина, И. Н. Многосоюзие / И. Н. Кручинина. – М.: Флинта: Наука, 1998. – 302 с.
- 3 Брандес, М. П. Стилистика текста. Теоретический курс / М. П. Брандес. – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
- 4 Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике иностранного языка / И. Р. Гальперин. – М.: Русский язык, 1981. – 459 с.
- 5 Hemingway, E. The old man and the sea / E. Hemingway. – New York: Charles Scribner's Sons, 1999. – 127 с.

УДК 821.161.3'06-14:271.2-23

Н. В. Смірнова

МАСТАЦКАЯ ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ БІБЛЕЙСКІХ МАТЫВАЎ І ВОБРАЗАЎ У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІРЫЦЫ

У артыкуле паказваюцца асаблівасці ўжывання біблейскіх матываў і вобразаў сучаснымі беларускімі паэтамі. Найбольш паслядоўна міф як крыніца інтэртэкстуальных сувязей увасабляецца ў творах нацыянальна-адраджэнскай і экалагічнай праблематыкі. Інтэрпрэтацыя біблейскіх матываў і вобразаў дае падставы разглядаць айчыннае прыгожае слова ў кантэксце еўрапейскай літаратурнай традыцыі.

У літаратуразнаўчых працах апошніх гадоў прадпрымаліся спробы класіфікаваць розныя формы выкарыстання міфа ў літаратурных творах. Да гэтага часу склалася некалькі тэорый (пераважна ў расійскім літаратуразнаўстве), якія прынышова паміж сабой не разыходзяцца (класіфікацыі М. Эпштэйна, Е. Меляцінскага, Ю. Лотмана і З. Мінц і інш.). Ю. Лотман і Б. Успенскі, разважаючы аб розных формах укаранення міфа ў літаратурны тэкст, аддаюць перавагу тэрміну «міфалагізм»: «<...> міфалагізм ў той ці іншай ступені можа назірацца ў самых разнастайных культурах і ў агульным выяўляць значную ўстойлівасць ў гісторыі культуры. Адпаведныя формы могуць уяўляць сабой рэліктавую з'яву ці вынік рэгенерцыі; яны могуць быць несвядомымі або ўсвядомленымі» [1, с. 536].

Адметнай рысай беларускай літаратуры на сучасным этапе з'яўляецца ўвага да міфалагічных вобразаў і матываў. Побач з такімі праявамі, як дэміфалагізацыя, рэміфалагізацыя, неаміфалагізацыя, найчасцей катэгорыя міфалагізму выяўляецца як крыніца інтэртэкстуальных сувязей. Прычым адным з самых папулярных прыёмаў выступае запазычванне і мастацкая інтэрпрэтацыя біблейскіх сюжэтаў і вобразаў. Паказальнымі з'яўляюцца ўжо назвы зборнікаў: «Капліца» В. Аксак, «На рэштках Храма» В. Шніпа, «Святая вада» Л. Раманавай, «Ксты» Р. Барадуліна, «Вялікдзень» І. Багдановіч, «Малітва воч» Э. Акуліна, «За мурам» А. Бембеля, «Чацвёртая стража» Г. Тварановіч і інш. Такая сувязь з сусветнай традыцыяй успрымаецца спробай асэнсавання ўласнай самабытнасці.

У беларускай лірыцы мяжы тысячагоддзяў нярэдка назіраецца сінтэз біблейска-хрысціянскіх і нацыянальна-адраджэнскіх матываў. Так, пытанне лёсу народа Р. Барадуліным асэнсоўваецца ў мінорнай танальнасці – праз пачуццё распачы і